

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ЭМОТИВНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С СЕМОЙ «СТРАХ» В АНГЛИЙСКОМ,
РУССКОМ И ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКАХ**

**METAPHORICAL IMAGES IN EMOTIVE PHRASEOLOGICAL
UNITS WITH THE SEME “FEAR” IN ENGLISH, RUSSIAN AND
TURKMEN**

Д.Б. Розыева, Д.М. Мухамедсапарова
D.B. Rozyyeva, J.M. Muhammetsaparova

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
Belarusian State University
Minsk, Belarus

E-mail: floverisforever@mail.ru, muhammetsaparova@mail.ru

Одним из проявлений принципа антропоцентризма, пришедшего на смену сравнительно-исторической и системно-структурной парадигмам в лингвистике, явилось появление *эмотиологии* или *лингвистики эмоций*, изучающей вербализацию эмоциосферы человека

в национальном языке. По теории Л.И. Петражицкого, эмоции являются «истинными мотивами, двигателями человеческого поведения» [2]. А.С. Илинская, в свою очередь, рассматривает эмоции как важнейшие элементы познания человеком окружающей действительности, что было замечено еще древнегреческими учеными [1]. Благодаря эмоциям, которые являются первичной формой оценочного сознания, индивид вычленяет то, что особенно значимо для него на данный момент в процессе изучения мира. Человек познает окружающий мир через призму своих эмоций, которые осознаются, идентифицируются и закрепляются в сознании, обретая свое выражение в национальном языке.

В вербализации эмоций можно выделить два этапа. Первоначально имеет место когнитивно-эмоциональная оценка ситуации действительности, объекта или лица в квалификаторах исключительного ментального и физиологического / физического плана (происходят существенные изменения функций ряда органов и систем – «вегетативная буря»). Следующий этап эмоциональной оценки внешнего стимула – вербализация эмоции, подбор соответствующего вербального выражения.

Страх – это состояние внутреннего напряжения, предчувствия или осознания опасности для жизни в преддверии угрожающих событий. Концепт «страх», как когнитивно-аффективное образование, характеризуется довольно широким диапазоном обозначаемого семантического признака: это обширная гамма переживаний от трепета, опасения, тревоги до фатальности и ужаса.

Фразеология – обширный пласт лексического фонда национального языка – представляется нам наиболее информативным материалом для изучения специфики оязыковления эмоций и чувств, поскольку, как замечает Е.В. Слепушкина, фразеологические единицы (ФЕ) обладают особым свойством – они не столько называют обозначаемый предмет, сколько характеризуют и оценивают его по степени важности [3, с. 4]. По мнению А.Ш. Траховой, фразеологизм, являясь достоянием народного национального языкового сознания, становится важнейшим средством концептуального членения и освоения мира [4, с. 47].

Изучение национально-культурной специфики оязыковления эмоции «страх» во фразеологии английского, русского и туркменского языков потребовало формирования репрезентативного экспериментального корпуса, претендующего на максимальную полноту и исчерпанность. Итак, сформированный нами экспериментальный корпус ФЕ с семой «страх» структурируется

46 единицами **английского** языка (АЯ), 56 ФЕ **русского** языка (РЯ) и 32 ФЕ **туркменского** языка (ТЯ).

Этномаркированность эмотивных ФЕ проявляется самым непосредственным образом в специфике отсылочных образов в структуре фразеологизмов. Осуществленный нами компонентный анализ всех ФЕ экспериментального корпуса имел целью их классификацию в соответствии с типом *метафорического образа*. Компонентный анализ единиц экспериментального корпуса позволил выделить следующие модели ФЕ с семой «страх»:

Антропоморфная модель: (АЯ) *give somebody **jim-jams*** – ‘привести кого-либо в содрогание’; *bring somebody’s **heart** into his **mouth*** – ‘душа ушла в пятки’; (РЯ) слова застряли в **горле**, обливаться холодным **потом**, **зуб на зуб не попадает**; (ТЯ) *yüregi agzyna gelmek* – ‘сердце к горлу поднялось’; *ýel ýürek* – ‘сердце трепещет’ (от страха);

Природная модель: (АЯ) *be afraid of one’s **shadow*** – ‘бояться собственной тени’; *frighten the living **daylights** out of someone* – ‘напугаться до беспамятства’; (РЯ) *дрожать как осиновый **лист***, в **кустах** прятаться, бояться как **огня**; (ТЯ) *saly suw ýstinde* – ‘быть как над солёной **водой**’; *ör gökden gelmek* – ‘словно с **небес** падаешь’;

Эзотерическая модель: (АЯ) *pale as a **ghost*** – ‘бледный как полотно’; *scared to **death*** – ‘перепугаться до смерти’; *stand in **awe*** – ‘в благоговейном ужасе’; (РЯ) бояться как **черт** ладана, бледен как **смерть**, напугать до **смерти**;

Собственно вербальная модель: (АЯ) *in **fear and trembling*** – ‘со страхом и трепетом’; *throw a scare* – ‘**пугать, запугивать**’; (РЯ) нагнать **страху**, **напугаться** до беспамятства;

Зоонимическая модель: (АЯ) *have **butterflies** in the stomach* – ‘дрожать от страха’; *turn **chicken*** – ‘испугаться’; (РЯ) трусливый как **заяц**, как **заяц** под кустом, затаиться как **мышь** под метлой; (ТЯ) *guş ýürek* – ‘птичье сердце’, *gyrgy gören serçe ýaly* – ‘как **воробей** при виде ястреба’.

Артефактная модель: (АЯ) *frighten the **pants** off someone* – ‘напугать / испуганный до предела’; (РЯ) выпрыгнуть из **ботинок**, как будто **варом** обдало, небо с **овчинку** показалось; (ТЯ) *ýiş ýuwlan ak esgä döňtek* – ‘стать как **тряпка**, трижды выжатая’.

Существуют также единичные модели ФЕ с отсылочными образами, не поддающимися типизации: (РЯ) *трусса праздновать, не смеет **дохнуть***; (ТЯ): *ätiýaş etmek* – ‘бояться что-то сделать’; *ýaga depjek ýaly* – ‘будто враг будет пинать’ и т.д.

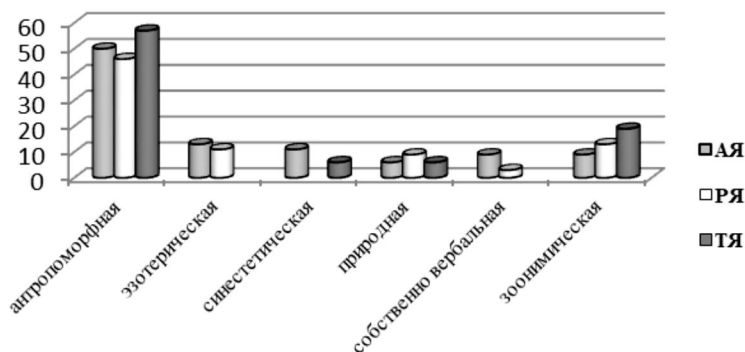
Тот факт, что аналогичные модели обнаруживаются при анализе структуры ФЕ с семой «страх» всех трех языков валидизирует

предложенную нами классификацию и подтверждает ее истинность и универсальный характер.

По результатам проведенного нами исследования можно утверждать, что самой репрезентативной моделью метафорического переноса при структурировании ФЕ с семой «страх» в русском, английском и туркменском языках является *антропоморфная* модель, которая формирует около половины всего корпуса данных эмотивных единиц во всех трех языках (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1 – Репрезентативность метафорических моделей фразеологических номинантов, вербализующих эмоциональное состояние «страх» в английском, русском и туркменском языках

Метафорическая модель		Антропоморфная	Эзотерическая	Синестетическая	Природная	Собственно вербальная	Зоонимическая	Артефактная	Единичные модели
Английский	кол-во	23	6	5	3	4	4	1	-
	%	50	13	11	6	9	9	2	-
Русский	кол-во	26	6	-	5	2	7	5	5
	%	46	11	-	9	3	13	9	9
Туркменский	кол-во	18	-	2	2	-	6	1	3
	%	57	-	6	6	-	19	3	9

Рисунок 1 – Разнообразие метафорических проекций в структуре фразеонимантов с семой страх в русском, английском и туркменском языках

Тем самым можно полагать, что чувство страха особенно «физиологично» для человека и обнаруживается преимущественно через физические или физиологические проявления в организме.

Самыми частотными отсылочными образами в структуре антропоморфных фразеологических единиц являются:

blood 'кровь': (АЯ) *make blood run cold; one's blood turned to ice; make one's blood creep; freeze one's blood*; (РЯ) *кровь стынет в жилах*; (ТЯ) *ganyň gaçmak* ('потерять всю кровь');

heart 'сердце': (АЯ) *bring smb's heart into his mouth; put fear in one's heart*; (РЯ) *сердце обрывается / падает; сердце в пятки ушло; с замиранием сердца*; (ТЯ) *ýel ýürek* ('сердце трепещет'); *ýüregi agzyna gelmek* ('сердце к горлу поднялось'); *ýüregini ýarmak* ('сердце разрывается');

hair 'волосы': (АЯ) *curl smb's hair; one's hair stands on end*; (РЯ) *волосы шевелятся на голове; волосы становятся дыбом*; (ТЯ) *depe saçyň ýyşmek* ('волосы собрались в кучу');

skin 'кожа': (АЯ) *jump out of one's skin; make one's skin crawl*; (РЯ) *мурашки по коже; мороз по коже*; (ТЯ) *iniň tikeneklemek* ('мурашки по коже').

Наблюдаемое сходство типологических соматизмов для выражения страха сочетается, при этом, с разной степенью их репрезентативности во всех трех языках. Так, в русском и туркменском языках самым репрезентативным соматизмом является «сердце». В английском наиболее употребимый – соматизм «blood».

В трех языках отображается сходство физиологических проявлений страха через компоненты:

а) «волосы / hair»: (АЯ) *one's hair stands on end, curl smb's hair*; (РЯ) *волосы становятся дыбом, волосы шевелятся на голове*; (ТЯ) *depe saçyň ýyşmek* ('волосы собрались в кучу');

б) «кожа / skin»: (АЯ) *jump out of your skin, make someone's skin crawl*; (РЯ) *мурашки по коже; мороз по коже*; (ТЯ) *iniň tikeneklemek* ('мурашки по коже');

в) «ноги, колени / legs, knees, feet»: (АЯ) *be weak-kneed; with one's knees shaking beneath; legs trembling*; (РЯ) *ноги подкашиваются; колени дрожат; поджилки трясутся*; (ТЯ) *gorkudan ýaňa el-aýagyňy diýtmazlyk* ('не чувствовать свои конечности из-за страха').

При этом, замечено, что «глаза» как элемент структуры ФЕ для выражения страха встречается только в русском и туркменском языках: (РЯ) *у страха глаза велики; сделать страшные глаза*; (ТЯ) *gözüň gorkmak* ('глаза испугались').

Все иные выявленные нами метафорические проекции значительно уступают по численности активности соматизмов для вербализации состояния страха во всех трех языках.

Второй по репрезентативности моделью для выражения страха в русском и туркменском является **зоонимическая** модель (13% и 19% соответственно) (значительно более численная, нежели зоонимическая модель в английских ФЕ) с отчетливо фиксируемым отсылочным образом «заяц» в русском и английском: (РЯ) *заячья душа, трусливый как заяц*, (АЯ) *as timid as a hare, like a rabbit caught in the headlights*. При этом в ФЕ зоонимической модели туркменского языка самым фиксируемым отсылочным образом является «птица»: (ТЯ) *guş ýürek* ('птичье сердце'), *gyrgy gören serçe ýaly* ('как воробей при виде ястреба').

Второй по репрезентативности во фразеологическом фонде английского языка является эзотерическая модель ФЕ с семой «страх» (13%). В *эзотерической модели* ФЕ английского и русского языков с семой «страх» в качестве наиболее часто используемого отсылочного образа можно отметить «смерть»: (АЯ) *scared to death*; (РЯ) *напугать до смерти*, *бледен как смерть*. Эзотерическая модель вовсе не представлена в эмотивной фразеологии с семой «страх» в туркменском языке.

В структуре *природной* модели ФЕ английского и русского языков совпадающим отсылочным образом является «тень» (shadow): (АЯ) *be afraid of one's shadow*; (РЯ) *бояться своей собственной тени*. Природные образы для метафорического выражения страха в туркменском языке единичны: «вода»: *saly suw üstünde* ('быть как над солёной водой') и «небеса»: *ör gökden gelmek* ('словно с небес падает').

Весьма репрезентативной во фразеологическом фонде английского языка является *собственно вербальная* модель ФЕ с семой страх, что свидетельствует и об активном словоупотреблении единиц первичной номинации с лексическим значением эмоции страх: *scare smb. out of his senses, get a shock, give somebody jim-jams*. При этом собственная вербальная модель скудно представлена во фразеологическом корпусе русского языка (2 единицы, 3%) и вовсе не представлена в корпусе туркменского языка.

Интересным наблюдением является также фактически отсутствие *синестетической* модели ФЕ с семой «страх» в русском языке, ее скудное присутствие в туркменском языке (2 единицы, 6%). При этом можно фиксировать довольно высокую репрезентативность синестетической модели в английском языке (5 единиц, 11%), что

свидетельствует о включении эмоций в семантический диапазон цветового кода в англоязычной культуре. В туркменском языке чувство страха атрибутируется исключительно белому цвету: *ýüzi **ak** tam bolmak* ‘лицо стало как **белая** стена’, *ýüzi **boz-ýaz** bolmak* ‘лицо, как **белое** полотно’. В английском же языке цветовая гамма «страха» несколько обширнее, в которой доминируют голубой (*in a **blue** funk, **blue** fear*) и (также, как и в туркменском) белый цвета (*look **white** about the gills, as **white** as a sheet*), помимо единично представленного желтого (*have a **yellow** streak*).

Существуют также уникальные отсылочные образы, специфичные в том или ином языке и не имеющие схожих ассоциаций в другом языке: (АЯ) *frighten the **pants** off someone, look **white** about the **gills**, have **butterflies** in the stomach, lily/white **liver***; (РЯ) *затаиться как **мышь** под метлой, бояться как **огня**, бросает в **жар***; (ТЯ) *ikini islemez ýaly etmek* (‘сделать так, чтобы второй раз не захотелось’), *ätiýaç etmek* (‘бояться что-то сделать’), *ýaga depjek ýaly* (‘будто враг будет пинать’).

Таким образом, несмотря на численное расхождение фразеонимантов с семей страх в русском (56), английском (46) и туркменском (32) языках, можно однозначно фиксировать примат антропоморфной модели при вербализации чувства страха во всех этих трех лингвокультурах (46%, 50%, 57% соответственно). Примат *соматического* кода при передаче состояния страха свидетельствует о его преимущественно реактивной природе и его физически-физиологическом проявлении и скрытом характере, что детерминировано не социокультурными факторами, а биологическими законами.

Можно полагать, что изучая специфику вербализации чувства страха во фразеологическом фонде национального языка, можно лучше узнать культуру народа, быт, историю народа, выявить черты национального характера, особенности менталитета и языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Илинская, А.С. Знаковая типология языковых единиц, репрезентирующих эмоции в английском языке / А. С. Илинская // Ползуновский вестник – № 3-2. – 2006. – С. 98 – 105.
2. Петражицкий, Л.И. О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях / Л.И. Петражицкий. – СПб.: Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1904. – 75 с.
3. Слепушкина, Е.В. Фразеология русского и английского языков в зеркале национального менталитета (на материале концептов «предупреждение»

и «угроза»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Пятигорск, 2009. – 22 с.

4. Трахова, А.Ш. Особенности фразеологической концептуализации морально-нравственной сферы личности на материале устойчивых оборотов русского и адыгейского языков: Авторф. ... д. филол. н.: 10.02.19. – Краснодар, 2007. – 47 с.